

«ВЕХИ» ИНТЕЛЛИГЕНТСКОГО САМОСОЗНАНИЯ: ПРЕЛЬЩЕНИЯ, ТУПИКИ, ПРОЗРЕНИЯ (ОПЫТ САМОКРИТИКИ)

Суходуб Т.Д.
г. Киев, Украина

«Вехи» – сборник, написанный не только интеллигенцией, но и для интеллигенции. Это обстоятельство даёт повод поразмышлять в новых условиях о проблеме идентификации интеллектуального сообщества, его роли в отечественной истории и ныне, в постсоветских обществах. Отнюдь неслучайно в названии своего коллективного труда авторы обращаются к понятию «веха» («вехи»), смысл которого – не только отметить важнейшие моменты, этапы, границы в развитии чего-либо, но и быть «указателем пути». Какие *вехи*, какие «шесть для указания пути» найдет современная интеллигенция – в решении этого вопроса целесообразно, думается, опереться и на опыт самокритики дореволюционной русской интеллигенции. Кризисные состояния общества провоцируют ситуации, связанные с разделением интеллектуального слоя на группы, несовпадающие по критериям, способам идентификации и осознаваемым задачам. Размежевание идёт даже по линии понятийного самоопределения – «интеллектуалы», «элита», «интеллигенция». Весьма распространённой на сегодня является позиция, согласно которой интеллигенция должна сойти с исторической арены, так как с установлением демократии исчезает противоречие между народом и властью, отпадает необходимость в защитной функции интеллигенции. Её место занимают интеллектуалы западноевропейского образца и элита. Думается, что такое толкование положения и специфики этих общностей требует уточнения.

Имеется несколько подходов к определению интеллигенции. Принцип *нейтрального* определения фиксирует внешние характеристики общественного положения этой части граждан, специфику их труда и даётся, как правило, в справочных изданиях. Например, по В. Далю, интеллигенция – «образованная, умственно развитая часть жителей». Принцип *негативного* определения интеллигенции связан с идейно-политической или нравственной оценкой исторических усилий и общественных деяний определённой части интеллигенции. Именно на этом основании дано «веховское» определение Н. Бердяевым феномена «интеллигентщины» – как «кружковой», замкнутой в своих политических интересах и пристрастиях интеллигенции. Из этого же исходит и Г. Федотов в своём отождествлении интеллигенции с «духовным орденом», который отличает «идейность задач» и «беспочвенность идей». Принцип *позитивного* понимания интеллигенции как специфического интеллектуального сообщества срабатывает при учёте черт собственно «интеллигентской» рефлексии, которые, к примеру, А.Ф. Лосевым связываются с ориентацией на «интересы общечеловеческого благоденствия», а В.И. Толстых – с «совестливым разумом». Ситуация конфликта внутри интеллектуальной части общества в отечественной истории имеет тенденцию к «повторам», которые вполне можно рассматривать как некоторые пра-формы современных проблем. Первое серьёзное размежевание в интеллектуальной среде продемонстрировали «Вехи», видя выход из создавшегося в обществе тупикового состояния стагнации – в замене популярного в кругах интеллигенции героически-жертвенного и радикально-экстремистского пути служения обществу подвижнической деятельностью и индивидуальным культурным творчеством. Это была также попытка убедить «революционную интеллигенцию» в невозможности решения общественных задач только в границах политической сферы и радикального преобразования общества «до основания». Эта правда «Вех» остаётся актуальной и ныне.

Среди традиционных искушений интеллигенции – романтической веры в спасительную силу «перестройки» несовершенного мира, «хождения в народ» или «во власть», служения идее или обществу, классу, нации и т.д. – в наше время приоритетное место занимает претензия интеллигенции на элитарность. Элиту «постсоветских обществ» отличает нехарактерный для традиционного понимания этой общности момент совпадения оценочного и идентифицирующего аспектов, в основе чего лежит тяготение всего спектра общественной жизни к политическому измерению.

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ЕВРОПЕ ПЕРЕХОДНОГО XVII ВЕКА

Трофимова В.С.
г. Санкт-Петербург, Россия

Процесс, начавшийся в XVII веке, известный философ Карл Поппер назвал «величайшей из всех моральных и духовных революций»: «Это движение было стремлением огромного множества безвестных людей освободить себя и свой разум от власти авторитетов и предрассудков. Оно являлось попыткой построить открытое общество, отвергающее абсолютный авторитет традиционного и одновременно пытающееся установить и поддержать традиции – старые или новые, которые соответствовали бы стандартам свободы, гуманности и рационального критицизма. Это движение провозглашало нежелание сидеть сложа руки, переложив всю ответственность за управление миром на долю человеческих или сверхчеловеческих авторитетов, и выражало готовность взять на себя часть груза ответственности за те страдания, которых можно было бы избежать, стремясь в конечном итоге к тому, чтобы их вообще не было.»¹ Действительно, едва ли не главная черта философской мысли XVII века, причем ее можно найти у создателей самых разных фило-

¹ Поппер, Карл. Открытое общество и его враги. Киев: Ника-Центр, 2005. С.18.

софських систем – і у Декарта, і у Бэкона, і у Коменського – це недоверие к авторитетам і стремление увидать вещи такими, какие они есть на самом деле, а не такими, какими принято их видеть. Вместе с тем, в этот период существовал значительный разрыв между людьми высокого интеллектуального и образовательного уровня и простым народом. Европейские интеллектуалы раннего Нового времени еще с начала эпохи Возрождения стремились объединиться в сообщество, которое назвали «Республикой учености». Эразм Роттердамский, благодаря которому этот термин получил распространение, выдвигал особые требования к «гражданину» «Республики». Человек, претендующий на принадлежность к ученому сообществу, должен быть не только эрудированным и широкообразованным, но также воспитанным и культурным. Таким образом, образ «гражданина» «Республики учености» больше соответствует современному понятию «интеллигент», чем «интеллектуал».

В эпоху расцвета деятельности «Республики учености» – в XVII веке – среди ее «граждан» появляются фигуры «посредников» – распространителей научной информации. Такими посредниками были французы Никола-Клод Фабри де Пейреск и Марен Мерсенн, представители Англии Самуэль Гартлиб и Генри Ольденбург, голландец Константейн Гюйгенс и другие. Все эти люди обладали не только обширными знаниями в самых разных областях, но и общей культурой поведения: обходительностью, внимательностью и т.п. Они отличались терпимостью, были преданы идее распространения знаний и стремились работать на благо всей «Республики учености», руководствуясь своими собственными взглядами на те или иные вопросы. Так, Пейреск и Мерсенн поддерживали опального Галилео Галилея, несмотря на то, что сами являлись служителями католической церкви. Многие из «посредников» в «Республике учености» были людьми скромными, лишенными амбиций. Все они способствовали утверждению культуры диалога, культуры научного общения. Прекрасной иллюстрацией тому является деятельность секретаря Лондонского Королевского Общества Генри Ольденбурга. Он верил в будущее «Новой науки» и активно защищал ее от недоброжелателей, а собрания членов Общества восхищали современников вежливостью, отсутствием пререканий, вниманием к каждому докладчику.

Однако не все интеллигенты XVII века довольствовались только своей деятельностью в рамках научных обществ. Выдающийся чешский педагог и мыслитель Ян Амос Коменский стремился принести «свет» новых знаний всем людям без исключения. Свое предложение по преобразованию жизни всего человечества – «Вселенский совет об исправлении человеческих дел» – он адресует прежде всего интеллигентам своего времени – «ученым, благочестивым, высоким мужам». Вероятно, он при этом представлял себе лучших представителей европейской «Республики учености». Коменский возлагал на интеллигентов огромную ответственность за создание лучшего будущего человечества. К сожалению, его призыв в то время услышан не был, и только в XX веке некоторые из его идей, прежде всего, создание единого мирового пространства, были претворены в жизнь.

БЕССАРАБСЬКЕ ДВОРЯНСТВО І РОЗВИТОК КРЕДИТНО-БАНКІВСЬКОЇ ІНФРАСТРУКТУРИ РЕГІОНУ (кінець XIX – початок XX ст.)

Циганенко Л.Ф.

г. Измаил. Украина

Важливу роль в процесі капіталізації сільського господарства Бессарабії зіграли кредитно-банківські установи. Історичний досвід доводить, що перехід до ринкових відносин неможливий без створення працюючого фінансового ринку. Добре налагоджена фінансова система є важливим чинником формування цивілізованих економічних відносин. Іпотечний кредит об'єктивно прискорював мобілізацію земельної власності, сприяючи концентрації сільськогосподарського виробництва в руках економічно найсильніших дворян.

Державний банк, який було відкрито у 1885 р., офіційно являючись комерційним закладом, значну частину своїх коштів витрачав на потреби дворян: кредити видавалися строком від 48 до 66 років, що призводило до космічних заборгованостей. В середині 90-х рр. бессарабські дворяни отримали 51 млн. крб. сріблом позики під довготерміновий заклад 52 % площі своїх земель. Всього за 1883-1916 рр. бессарабські поміщики в земельних банках отримали кредитів на суму 111 млн. крб. У 1916 р. в Бессарабії з 1.656 тис. дес. приватної землі 1.251 тис. десятин, або 76 %, було закладено в іпотечних банках. Крім іпотечного кредиту, для збільшення своїх оборотних потужностей та розширення виробництва, дворяни Бессарабії користувались виробничими кредитами Державного та акціонерних банків.

Бессарабське дворянство не лише сподівалося на фінансову допомогу з боку держави, а й саме активно проявляло себе в фінансовій сфері південних губерній імперії. Після реформ 60-70-х рр. на Півдні України відбулася певна «засновницька гарячка» - було засновано багато акціонерних банків. В другій половині XIX ст. тільки в Одесі з'явилося більше десяти нових банків і кредитних товариств. Крім Державного банку це: Земельний банк Херсонської губернії (1865 р.), Товариство взаємного кредиту (1868 р.), Одеський комерційний банк (1870 р.), Одеське кредитне товариство домовласників (1872 р.), відділення Московського торгівельного банку (1875 р.), Одеський дисконтний банк (1879 р.), Торгівельно-промисловий банк (1889 р.), Бессарабсько-Таврійський земельний банк (1872 р.).

Необхідно відзначити, що дворяни у банківській справі масової участі не приймали, обіймаючи в основному керівні посади. Зокрема, у 4 державних банках Одеси ми зустрічаємо дворян у керівній верхівці. Управляючим філією Дворянського земельного банку і водночас управляючим Селянського поземельного